

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.10>

UDC 94(47).084.3
LBC 63.3(2)

Submitted: 28.05.2020
Accepted: 14.11.2020

DON COSSACS IN THE KUBAN INSURGENCY IN 1920¹

Andrey V. Venkov

Federal Research Center the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-don, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the archive of the Federal security service for the Rostov region a Tribunal case was found, in which people, named Kuban Cossacks, are accused of rebellion. They participated in the mutiny, raised in April 1920 on the Kuban territory by Colonel Sukhenko. On closer inspection, the vast majority of them turned out to be Don Cossacks, but enlisted in the Kuban regiments, that surrendered to the Bolsheviks in early 1920. **Methods and materials.** The discovered materials were studied based on the principles of historicism and objectivity. The research also used special historical methods: problem-chronological, anthropological and comparative-historical. The study was based on the Tribunal case stored in the archive of the Federal security service for the Rostov region. **Analysis.** The article discusses the causes of this mutiny, its course and its consequences. The former white Kuban regiments surrendered to the Bolsheviks in early 1920 and, being reinforced by the surrendered Don Cossacks, they were sent by the Bolsheviks to the front against the poles, but on the way rebelled, not wanting to fight. Soviet troops crushed the remnants of the rebel regiments. The surviving Don Cossacks re-surrendered to the Soviet troops. Some of the surrendered Donets were shot, some were sent to work in the mines. The article discusses the criteria for which the Tribunal imposed death sentences, and for which it allowed people to live. **Results.** During the mutiny, the Kuban began to go home and continued to hide, and the Don Cossacks, remained in the regiments, were far from their home and did not know what to do. The Tribunal sentenced to death all those who held white command positions and volunteers. The motivation for some of the Tribunal's decisions remains unclear.

Key word: kuban cossacks, don cossacks, revolt, surrender (capitulation), tribunal.

Citation. Venkov A.V. Don Cossacs in the Kuban Insurgency in 1920. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 4, pp. 104-115. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.10>

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 28.05.2020
Дата принятия статьи: 14.11.2020

ДОНСКИЕ КАЗАКИ В КУБАНСКОМ ПОВСТАНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В 1920 ГОДУ¹

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В архиве УФСБ по Ростовской области обнаружено трибунальское дело, в котором обвиняются в восстании люди, названные кубанскими казаками. Они участвовали в мятеже, поднятом в апреле 1920 г. на кубанской территории полковником Сухенко. При внимательном рассмотрении подавляющее большинство их оказалось донскими казаками, но зачисленными в кубанские полки, сдавшиеся большевикам в начале 1920 года. Обнаруженные материалы исследовались с опорой на принципы историзма и объективности. При исследовании применялись и специально-исторические методы: проблемно-хронологический, антропологический и сравнительно-исторический. В основу исследования легло трибунальское дело, хранящееся в архиве УФСБ по Ростовской области. В статье рассматриваются причины этого мятежа, его ход и последствия. Бывшие белые кубанские полки в начале 1920 г. сдались большевикам, и пополненные сдавши-

мися донскими казаками были посланы большевиками на фронт против поляков, но по дороге взбунтовались, не желая воевать. Советские войска разгромили остатки восставших полков. Уцелевшие донские казаки повторно сдались советским войскам. Часть сдавшихся донцов была расстреляна, часть отправлена на работы в шахты. В статье рассматриваются критерии, по каким трибунал выносил смертные приговоры, а по каким оставлял людям жизнь. В ходе мятежа кубанцы стали расходиться по домам и продолжали скрываться, а в полках остались донские казаки, которые были далеко от дома и не знали, что им делать. Трибунал приговорил к расстрелу всех, кто занимал у белых командные должности и добровольцев. Мотивация некоторых решений трибунала остается не понятой.

Ключевые слова: кубанские казаки, донские казаки, восстание, сдача (капитуляция), трибунал.

Цитирование. Венков А. В. Донские казаки в кубанском повстанческом движении в 1920 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 4. – С. 104–115. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.4.10>

Введение. 27 мая 1920 г. Особый трибунал при Особом отделе 9-й Кубанской армии под председательством тов. Чернобрового при члене трибунала тов. Прокофьеве и секретаре тов. Сухове рассмотрел «Дело о вооруженном восстании против Советской власти во главе с авантюристом полковником Сухенко» [12].

Трибуналом рассматривалась судьба 40 человек, захваченных в горах. И здесь же на 1-й странице был размещен список приговоренных.

13 человек были приговорены к расстрелу. Среди них «инициаторы восстания – хорунжий Козинец Георгий Власович, Ирхин Петр Евсеевич и Власов Илья Федосеевич. Далее значилось: «Сознательные последователи и исполнители гнусных инициатив были кубанцы (выделено мною. – А. В.): Дорошев Иван Андреевич, Говоров Алексей Григорьевич, Антипов Михаил Иванович, Богатырев Федор Семенович, Пятибратов Петр Куприянович, Андриянов Георгий Иванович, Бирюков Александр Васильевич, Гункин Петр Васильевич, Богомоллов Петр Николаевич, Бабкин Тимофей Титович» [12, л. 1].

Этих тоже расстреляли. Проблема в том, что среди них нет *ни одного кубанца*. Судя по протоколам допросов, находящихся в деле, *все они донские казаки*.

Далее шел список тех, кому расстрел заменили 10 годами работы на шахтах – «нашахтные работы сроком на 10 лет» [12, л. 1]: Гуров Александр, Кожухов Андрей Архипович, Мельников Андрей Иванович, Сердобинцев Аким Григорьевич, Хапричный Степан Игнатьевич, Антипов Павел Яковлевич, Сухаревский Алексей Титович, Куликов Иван Ива-

нович, Семиглазов Петр Сергеевич, Антипов Василий Иванович, Антипов Андрей Яковлевич, Иванов Николай Тихонович, Антонов Тихон Яковлевич, Аверин Федор Никитович, Кочергин Петр Данилович, Чеботарев Федор Степанович, Каргин Игнатий Иванович, Чиков Федот Савельевич, Фролов Яков Пантелеевич, Бирюков Яков Силантьевич, Ломтев Филипп Родионович, Чеботарев Гаврила Александрович, Детюк Ростислав Федорович, Гришин Иосиф Игнатьевич.

Трое – Харитонов Иван Кузьмич, Лютовинов Павел Иванович и Ирхин Иван Евстигнеевич – были освобождены [12, л. 1].

23 мая 1920 г., за несколько дней до вынесения приговора, следователь Особого отдела 9-й армии провел допросы арестованных, обвиняемых в антисоветском выступлении, и в составленных им протоколах подавляющее большинство их значится казаками 2-го Запорожского полка. Известно при этом, что 2-й Запорожский полк формировался в Ейском отделе Кубанского казачьего войска.

Материалы и методы. В основу исследования легло трибунальское дело, хранящееся в архиве УФСБ по Ростовской области. Обнаруженные материалы исследовались с опорой на принципы историзма и объективности. При исследовании применялись и специально-исторические методы: проблемно-хронологический, антропологический и сравнительно-исторический.

Обсуждение. Цель данной работы выяснить, что представляло собой «вооруженное восстание против Советской власти во главе с авантюристом полковником Сухенко»; кто такой полковник Сухенко; как 2-й Запорожский полк оказался в рядах Красной ар-

мии; как донские казаки оказались в рядах 2-го Запорожского полка; по какому принципу они были осуждены и наказаны.

Материалы о выступлении казаков 1-го и 2-го Запорожских полков против Советской власти весной 1920 г. встречаются в работах кубанских историков и публицистов. Упоминается там и Сухенко.

Так, А.А. Зайцев в статье «Бело-зеленое движение на Юге России в поисках третьего пути (1920–1922 гг.)» пишет, что 1-й и 2-й Запорожские полки силою 700–1 000 сабель под руководством полковника Сухенко подняли восстание весной 1920 г. и ушли в горы [14].

В. Цветков в своем последнем труде «Белое дело в России 1920–1922» упоминает: «Отряд офицера Донской армии Л.Н. Листова проводил диверсии в районе Таманского полуострова, объединившись здесь с дезертировавшими из красноармейской бригады казаками под командованием бывшего полковника Сухенко, а также с отрядами капитана Миловидова и полковника Кузнецова» [29].

Ю.В. Артюхин отмечал, что участники выступления Сухенко и сам он сражались с большевиками до конца 1921 года [2].

Публицист Э.А. Широкобородов в работе «Последний Рубикон» пишет о гражданской войне на территории Ейского отдела, причем одним из источников его является роман Бориса Крамаренко «Плавни». В начале работы говорится, что Сухенко Алексей Христофорович застрелился в плавнях будучи тяжело раненым [31].

Вообще по проблемам повстанческого «бело-зеленого» движения на Кубани изданы интересные труды А.В. Баранова [3], С.М. Сивкова [22], А.А. Черкасова [30]. Упоминает о них в своей кандидатской диссертации В.Н. Бурдун [4].

Однако внимание всех этих исследователей в большей степени направлено на более поздний период, когда летом 1920 г. на Кубани была введена продразверстка и разрозненные повстанческие группы были объединены генералом М.А. Фостиковым в «Армию возрождения России». В.И. Ленин телеграфировал тогда И.В. Сталину: «Из Кубани и Донобласти получаем тревожные, даже отчаянные телеграммы о грозном росте повстанчес-

кого движения. Настаивают на ускорении ликвидации Врангеля» [24, с. 248]. Мы же исследуем период более ранний, апрель – май 1920 г., когда шла массовая сдача белых казаков в плен.

Анализ. Легче всего ответить на вопрос: как казаки 1-го и 2-го Запорожских полков оказались в рядах Красной армии. В начале 1920 г. это стало массовым явлением. В 1918 г. большая часть кубанских казаков выступила против большевиков, но в конце 1919 г. в результате конфликта между деникинским руководством и кубанскими самостоятельными и под влиянием побед Красной армии значительная часть «черноморцев», украиноязычных казаков с нижнего течения Кубани, стала колебаться. На Кубани и в Причерноморье стало развиваться движение «зеленых».

«Зелеными» назывались скрывавшиеся в лесах партизаны, в основном крестьяне – дезертиры и уклоняющиеся от службы в белой армии. Находясь большей частью под влиянием эсеров, отряды «зеленых» в Причерноморье вели вооруженную борьбу против деникинцев [16, с. 338]. Англичанин Х. Уильямсон считал, что отряды «зеленых» были «дезертирами из обеих армий, грузинскими авантюристами и местными бандитами» [26, с. 289].

А.И. Деникин вспоминал, что, по данным белых спецслужб (он ссылаясь на полковника В.В. Добрынина, летом 1919 г. являвшегося начальником Разведывательного отдела Донской армии) [5, с. 134], руководители «зеленых» – Пиллюк и Савицкий – «имели соглашение с ответственными представителями советской власти о признании ею независимости (!) казачьих земель, как условия заключения мира» [13, с. 378]. Причем Савицкий являлся товарищем председателя Кубанской рады.

И когда Красная армия зимой 1919–1920 гг. подошла к границам Кубани, «кубанское казачество в процессе длительной распри между своими верхами растеряло все идеологические обоснования борьбы. Усталость, разочарование и возобладавшее чувство самосохранения вызывали духовную апатию...» [13, с. 380].

Со своей стороны большевики усилили агитационную работу среди казаков. Было

решено созвать съезд трудовых казаков. 27 декабря 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило «Казачий съезд созвать, придав ему характер широкой массовой демонстрации» [28, с. 419]. Съезд был созван в Москве 29 февраля 1920 г. и сразу же обратился к высшей Советской власти с ходатайством об амнистии всем трудовым казакам, которые сдадутся Красной армии. И в апреле 1920 г. «Президиум ВЦИК постановил утвердить ходатайство Первого Всероссийского казачьего съезда об амнистии военнопленных трудовых казаков» [8, с. 118].

Но уже в начале марта 1920 г. кубанские казаки стали массами переходить к красным. По мнению английского военного специалиста Х. Уильямсона, катастрофа произошла, когда красноармейцы заняли Ставрополь, ст. Кавказскую и Армавир, тогда «кубанские казаки окончательно подняли руки вверх» [27, с. 289]. Линия реки Кубань была оставлена белыми 4–5 (17–18) марта «после упорных боев с сильной советской конницей, пополненной восставшими кубанцами» [13, с. 389–390].

Последующая неделя прошла под знаком массовых сдач и переходов на сторону красных. Колебались донцы. «Многие казаки бросали оружие или целыми полками переходили к “зеленым”» [13, с. 426]. По воспоминаниям А. Трушновича, офицера Корниловского полка, еще на берегу Кубани многие корниловцы сдавались в плен проходящим красным войскам. Они были отправлены в Екатеринодар и в ближайшее время мобилизованы в Красную армию, в полк имени Третьего интернационала. Впрочем, держали их там впроголодь [25, с. 119–121].

Кубанцы сдавались целыми полками большевикам или уходили к «зеленым». «Из кубанцев одни только шуруинские отряды, запятнавшие себя неслыханными грабежами, необычными даже для Добрармии, сочли за лучшее перебраться в Крым» [16, с. 12]. В 1919 г. А.Г. Шкуро командовал 3-м Кубанским конным корпусом. 1-й и 2-й Запорожские полки входили в состав 4-го конного корпуса генерала С.М. Топоркова, в 1-ю конную дивизию и в 4-ю Кубанскую казачью дивизию [17, с. 111]. К войскам А.Г. Шкуро они отношения не имели.

Сдавшиеся кубанские полки не расформировывали. Наоборот, их сводили в более

крупные войсковые единицы. Когда красные 14 (27) марта ворвались в Новороссийск, первыми шли перешедшие на сторону Советов кубанцы. Командарм И. Уборевич докладывал: «Город был захвачен лихим налетом кавалерийской дивизии Екимова. Около 9 часов в город вошли пять дивизий 8 и 9 армий... Начальника кавалерийской дивизии Екимова за личный подвиг наградили своим орденом Красного Знамени» [1, с. 52].

По данным РГВА, «кавалерийская дивизия имени Екимова» была создана приказом войскам 9-й армии № 9406/оп от 7 марта 1920 г., когда Красная армия при поддержке восставших кубанцев форсировала Кубань. По данным газеты «Советский Дон», первой ворвалась в Новороссийск 1-я Кубанская дивизия [18, с. 1]. Видимо, в белой армии будущая «дивизия Екимова» называлась «1-й Кубанской». Дивизия была расформирована 3 мая 1920 г. согласно распоряжения начальника Упраформа 1-й конной армии. В марте – апреле 1920 г. входила в состав 9-й армии, в апреле – мае 1920 г. – в составе Конной армии. Начальник дивизии Екимов Георгий Михайлович – с 27 марта 1920 по 3 мая 1920 года. Военком Кабанов Семен – с 27 марта по 30 апреля [27]. Назначение начальника дивизии и военного комиссара совпадает по времени со взятием Новороссийска. Кто командовал дивизией в предыдущие 20 дней, и был ли в дивизии в это время комиссар – неизвестно. Дивизия просуществовала два месяца. Г.М. Екимов до назначения начальником дивизии командовал кавалерийским полком 21-й стрелковой дивизии.

В Новороссийске красные взяли 22 тысячи пленных [15, с. 329]. Многие донские части были брошены в порту в полном составе. Так, была брошена Донская пластунская бригада (1-й и 2-й пластунские полки). Командир бригады, полковник А.С. Кострюков, застрелился перед строем [9, с. 23]. Это был прекрасный боевой материал для Западного фронта, где назревал конфликт с Польшей. Сдавшемуся трудовым казакам, как мы помним, объявлялась амнистия. Те, кто был моложе 34 лет (три обычные «очереди» служивых казаков), должны были явиться в военкоматы, получить отпуск, а затем на общих основаниях идти в Красную армию.

Многие из брошенных на берегу казаков, не откладывая дела в долгий ящик, стали проситься в Красную армию, части которой вступали в Новороссийск. Сразу же вступили в переговоры по этому поводу с 21-й стрелковой дивизией красных казаки 7-го Донского полка «Молодой армии». 13 младших офицеров и 170 казаков этого полка были зачислены в Красную армию и сведены в два эскадрона во главе со своими же офицерами [23, с. 257].

Мы приводим эти выборочные факты, потому что вскоре названные воинские части – 21-я стрелковая дивизия, 7-й Донской полк, 2-й Донской пластунский полк – мы встретим, исследуя факт «восстания полковника Сухенко». Пока же складывается следующая «цепочка»: до взятия Новороссийска кубанские казаки целыми полками переходили к красным, а после взятия Новороссийска какая-то часть сдавшихся донцов пошла на пополнение красных кубанских полков.

Теперь по поводу непосредственно восстания и образа полковника Сухенко. Судя по протоколам допросов захваченных в горах 40 казаков, события разворачивались следующим образом.

20–21 апреля 1920 г. 2-я бригада в составе 2-го Запорожского и Донского стояла в станице Уманской (ныне станица Ленинградская) на формировании. Там же находился 1-й Запорожский полк. 22 апреля был получен приказ выступать – одним (2-му Запорожскому и Донскому) на Каневскую, другим (1-му Запорожскому) на Кушевскую. Цель выступления была рядовому составу непонятной. Но командный состав знал, что выступают на польский фронт [12, л. 26 об.]. Поскольку Каневская и Кушевская лежат на линии железной дороги, но в разных направлениях от Уманской (Ленинградской) – на северо-восток и юго-запад, – можно предположить, что их направляли на погрузку в вагоны.

В частях, выступивших на Кушевскую, появились слухи, что кубанцы разбредутся, а в полку останутся донцы, «которым некуда деваться» [12, л. 121].

В 4–5 верстах от Уманской, на привале, комиссар 1-го Запорожского полка и секретарь бригады (видимо, секретарь партийной ячейки) «были обезоружены, и им заявили, что они могут идти сами, так как бригада следовать

дальше не будет» [12, л. 121–121 об.]. По показаниям Ирхина Петра Евсигнеевича, «в станице Уманской командир бригады объявил: “Мы идем на верную гибель”. Он вызвал комиссаров полка и предложил им удалиться в вежливой форме». Комиссары «распрощались и уехали, ни слова не говоря команде» [12, л. 26 об.]. Один из очевидцев заявил, что «комиссары попрощались за руку с офицерами и уехали от повстанцев» [12, л. 14].

1-й Запорожский полк вернулся в Уманскую. Согласно показаниям, «комбриг 2 21-й дивизии бывший полковник Сухенко в Уманской объявил: “Долой коммуну, долой войну, да здравствует Советская власть”» [12, л. 5].

Ирхин Петр Евсигнеевич показал, что тогда же «Сухенко объявил, что 3-я Донская бригада пошла на польский фронт, но встреча на армией Буденного, раздета, разоружена, часть потоплена в Дону...» [12, л. 26 об.].

Бригада, которая должна была идти на Каневскую, раскололась. Кубанцы не выступили из-за слухов о Буденном. Испугались разоружения и расстрелов при встрече с ним [12, л. 120 об.]. Пулеметчик Диденко скрылся с 5-ю пулеметами. 3-я сотня 2-го Запорожского полка стала его искать. В это время в Уманской начались митинги. Еще несколько допрошенных подтвердили: Сухенко объявил, что 3-я бригада порублена и утоплена [12, л. 36 об.], и сейчас кубанцы «ожидают не сегодня завтра восстания» [12, л. 37].

1-й Запорожский полк двинулся на Каневскую, где повстанцы освободили арестованных – 42 человека. В Уманской и Каневской повстанцы разогнали ревкомы, заявили: «Долой власть пришельцев». На митингах они долго спорили, как и куда «распыляться»; выбор был «камыши или горы».

Рядовой состав запугивали Буденным. Но хорунжий Козинец Георгий Власович, призванный в 1-й Запорожский полк еще при белых, показал: «По приказанию Сухенко мы вернулись в горы, чтобы не идти на польский фронт, воевать не хотели» [12, л. 24 об.].

Проанализируем ситуацию исходя из материалов допросов. Командир бригады, состоящей из 2-го Запорожского и Донского полков, Сухенко назван «комбригом 2 21-й дивизии». Что это за часть? В рассматриваемый нами период входила в состав 9-й армии и участво-

вала в Кубано-Новороссийской операции, а в апреле 1920 г. была переброшена на Западный фронт против поляков 21-я стрелковая дивизия [11, с. 169–170]. Именно в эту дивизию, как мы помним, вступили целыми эскадронами в Новороссийске белые донские казаки со своими офицерами. Теперь в составе 21-й дивизии целая бригада из пленных казаков (2-я), и Сухенко говорит о 3-й Донской бригаде, которая якобы уничтожена Буденным. Кроме того, здесь же находится 1-й Запорожский полк, в котором и начинается восстание.

Невзирая на утвержденные штаты, в состав стрелковых дивизий Красной армии зачастую входили кавалерийские бригады. Например, в состав 40-й стрелковой дивизии в 1920 г. их входило две.

Восстание началось в 1-м Запорожском полку, поскольку именно там во время гражданской войны служил Сухенко.

В справочнике С.В. Волкова «Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога» находим, что Сухенко Антон закончил в 1915 г. 4-ю Тифлисскую школу прапорщиков, в гражданской войне участвовал в составе 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, в феврале 1920 г. командир партизанского отряда в районе ст. Новоминской. Последнее звание есаул [7, с. 793]. Как видим, С.В. Волков приводит имя «Антон», а Э.А. Широкобородов называет Сухенко «Алексеем Христофоровичем», но Широкобородов опирается в своих исследованиях в том числе и на художественную литературу, его сведения менее достоверны [31]. Видимо, имя полковника, взбунтовавшего казаков, все же было «Антон».

Цель восстания – не идти на польский фронт, нежелание встретиться с Буденным (горькая судьба 3-й Донской бригады). Первоначально здесь просматривается корыстный карьерный интерес. Любая сверхштатная конница в составе стрелковых дивизий рано или поздно пойдет на формирование или пополнение штатных кавалерийских частей. Две кавалерийские бригады 40-й стрелковой дивизии летом 1920 г. были отправлены в конный корпус Д.П. Жлобы. Из таких кавалерийских бригад в 1919 г. был создан Конно-сводный корпус Б.М. Думенко. И вряд ли советское командование собиралось долго иметь конные дивизии, целиком состоявшие из пленных ка-

заков. А переформирование чревато потерей командного поста. Могли всплыть неблагоприятные подробности. В частности, арестованный Р.Ф. Дитюк показал, что скрывался от белой мобилизации в станице Старо-Деревянской, и 6 января 1920 г. туда пришел Сухенко с карательным отрядом [12, л. 51 об.]. Видимо, Сухенко боялся проверки в Упраформе и поэтому пугал казаков конницей Буденного.

Казаки были согласны не идти на польский фронт. Более того, известно, что когда они туда попали, некоторые части перешли к полякам. В июле 1920 г. перешел к противнику Кубанский полк, сформированный в Упраформе 1-й конной армии из 1-го и 2-го Уманских полков, сдавшихся большевикам в марте 1920 года [19, с. 43]. И, как мы помним, на митинге казаки спорили, где прятаться – в камышах или в горах. И известно, что антисоветски настроенные казаки скрывались в камышах до 1922 года. Но Сухенко повел в горы и степняков-донцов, и «запорожцев», уроженцев Ейского отдела, лежащего в степной приморской полосе среди камышей. В чем причина этого движения?

Мы располагаем лишь косвенными доказательствами. До начала мая 4-й Донской (мамонтовский) корпус и оставшаяся на стороне белых Кубанская армия оставались между Сочи и Туапсе, за речкой Мцеста. Генерал А.В. Голубинцев вспоминал: «Крымское командование почему-то упорно отклоняло желание донцов грузиться в Крым. Кубанцы, по видимому, особого желания к переброске в Крым не проявляли, хотя, несомненно, если бы был прислан своевременно достаточный тоннаж, то по инерции за донцами поплыли бы и кубанцы» [10, с. 168].

Белое командование надеялось, что оставленные на побережье казаки, амнистированные большевиками, неизбежно восстанут, поскольку амнистия, объявленная государством, – одно, а личные счеты, которые должны неизбежно проявиться в станицах между побежденными и вновь прибывшими победителями, – другое. Когда на Кубани начнется восстание, из Крыма подойдут сохранившиеся «добровольцы». Большевики стремились вывести сдавшихся казаков с территории Кубани, а белые надеялись на их восстание.

Но эта задумка не была в должной степени подготовлена. Донской офицер И. Савченко вспоминал: «Добровольческая армия... даже не успела оставить секретного явочного пункта, куда бы мы, пленные, могли явиться за получением директив и указаний» [20, с. 284].

Видимо, на соединение с остававшимися на Черноморском берегу донцами и кубанцами и повел казаков Сухенко.

24 апреля они направились в сторону Кубани. Кубанцы по дороге разбежались, осталось «превосходное большинство донцов» [12, л. 122 об.]. В районе Брюховецкой вечером перешли речку Кирпили, ночь провели в Днепроградской. Здесь переформировались в 4 сотни и пулеметную команду. Оставили себе красные повязки и красное знамя [12, л. 123]. Отряд назвали «Доно-Кубанский отряд мира и свободы» [12, л. 73 об.]. Самоназвание – «ночные коршуны».

26 апреля повстанцы вступили в станицу Марьянскую (16 км западнее Екатеринодара), перешли здесь Кубань и пошли на Ставропольскую станицу, к слиянию речек Шебш и Безепс. 28 апреля в Ставропольской из отряда исчез офицер с 4 казаками. В дальнейшем, в мае, повстанцы Сухенко были в станицах Холмской и Крепостной [12, л. 20 об.]. В их движении прослеживается стремление приблизиться к Туапсе. Но это направление уже потеряло смысл.

2 мая 1920 г. в районе Сочи сдались части трех кубанских и двух донских корпусов – 1 409 офицеров и чиновников, 10 099 урядников и 28 906 рядовых при 146 пулеметах и 25 орудиях [21, л. 318]. Вместе с ними сдались большевикам большинство членов Кубанской Рады.

В мае наблюдается новый приток казаков в советские части. Местом прибежища стала 16-я кавалерийская дивизия.

Эта дивизия была сформирована в ноябре 1919 г. как кавалерийская дивизия 8-й армии. В интересующий нас период она входила в состав 8-й армии (ноябрь 1919 – апрель 1920 г.) и 9-й армии (апрель – июнь 1920 г.). В мае – июне 1920 г. 16-я кавалерийская дивизия охраняла побережье Азовского моря от г. Ейск до Курчанского лимана [11, с. 664]. На польский фронт она не пошла, но впо-

следствии участвовала в боях с войсками Врангеля. Как и другие советские части, она ставила в свои ряды пленных казаков. На определенный период эта дивизия стала идеальным местом службы для казаков-перебежчиков.

Как оказалось, казаки станицы Переяславской, служившие при белых в 1-м и 2-м Запорожских полках, перешли в 94-й кавалерийский полк 16-й кавалерийской дивизии. Все эти казаки были отпущены в 10-дневный отпуск, затем вернулись в дивизию, когда она 1 мая 1920 г. вступила в станицу Переяславскую [12, л. 12]. К ним, в ряды 16-й дивизии, в мае стали приходить казаки-кубанцы, бежавшие из отряда Сухенко. Явился с казаками командир 2-й сотни 1-го Запорожского полка Ичебель. Он и все перебежчики добровольно сдали лошадей и седла. Вторая партия явилась 5 мая – 44 кубанца и 6 донцов. Донцы сразу же запросились в комендантскую команду [12, л. 9]. Они были готовы расстреливать себе подобных, лишь бы их не расстреляли.

Отряд Сухенко был разгромлен в мае 1920 года. Комиссар по обыскам и арестам Особого отдела 9-й армии Вьюнов 11 мая 1920 г. с 50 кавалеристами прибыл в станицу Смоленскую, а 13 мая – в станицу Крепостную. Здесь он узнал о налете казаков Сухенко на Ильскую, где были захвачены 3 пулемета и 16 винтовок. 14 мая Вьюнов был подкреплен 200 кавалеристами, пехотой, 2 горными орудиями и 2 мотоциклами с пулеметами.

С целью отвлечь внимание, 15 мая он послал пехоту и орудия к станице Азовской, затем опять к Крепостной. Сам же с одной кавалерией пошел к Убинской. 16 мая была послана разведка. 17 мая в 7 вечера красноармейцы обнаружили казаков Сухенко около Убинской на некой «Колбасной поляне».

Шел дождь. Красноармейцы спешили, убили выстрелом часового, дали несколько залпов и бросились на «ура». Слышали, что Сухенко крикнул: «Кубанцы, ко мне!». Он был ранен, его унесли и скрылись в темноте.

18 мая на месте боя красноармейцы нашли 35 трупов и 60 раненых, «которые были нами добыты» [12, л. 60]. В плен были взяты 40 человек, захвачено 2 пулемета. Ирхин Петр Евсигнеевич показал, что сдались в плен донцы, кубанцы скрылись, остались в горах. Он

повел донцов сдаваться [12, л. 27]. Видимо, ночью донцы тоже могли сбежать, но донской офицер Ирхин собрал их, привел и сдал. Все они, судя по протоколам допросов, арестованы 20 мая.

Эти 40 сдавшихся, представшие перед трибуналом, были представлены 1 кубанским офицером, 1 донским офицером, 1 писарем, 2 старшими урядниками, 1 приказным, 1 фельдшером, 28 донскими казаками, ремесленником Балашовского уезда («шапки делал»), крестьянином Московской губернии (электротехником на рудниках), крестьянином Киевской губернии, крестьянином Полтавской губернии и 1 казаком, который признался, что закончил школу прапорщиков, но чина не назвал.

По возрасту половина из них подлежали призыву лишь в годы гражданской войны (1897 г. рождения и моложе), причем трое были 1902 и 1903 гг. рождения. Остальные были от 1896 до 1869 гг. рождения.

По роду войск (до поступления в 1-й и 2-й Запорожские полки) это были пластуны донской Молодой армии – 9, казаки конных полков этой армии – 3, пеших полков Донской армии – 5, конных полков Донской армии – 3, артиллеристы – 5, обозники – 2, из экипажей бронепоездов – 1, из Учебного полка – 1. Крестьяне успели послужить в Армянском эскадроне, в 12-м драгунском полку и в слабосильной команде Дроздовского полка.

Казак Иванов Михаил Пахомович, 1889 г.р., Калитвенской станицы, пойманный позже и не включенный в данную группу, показал, что 20 мая вышли из-за голода и думали добраться домой. У самого М.П. Иванова в папаше были зашиты 5 953 рубля и карта Кубанской области [12, л. 54].

Разбирательство трибунала было поспешным. Многие имена перепутаны, в протоколах – одни, в приговоре – другие.

Харитонов Иван Козмич, 1900 г.р., Слащевской станицы (север Области Войска Донского), соврал трибуналу, что в 1918 г. осенью был мобилизован «зелеными» и служил у Пилюка [12, л. 59]. Осенью 1918 г. «зеленых» еще не было, да и от Слащевской до Кубани верст 600. Но трибунал поверил и Харитонova освободил. Вторым освободили фельдшера Ирхина Григория Евстигнеевича, 1900 г.р., Елизаветинской станицы, который служил в 11 ла-

зарете и, по его словам, 2 раза пытался сбежать от Сухенко [12, л. 15 об.]. Однако в приговоре его назвали Иваном Евстигнеевичем. Почему освободили казака 48-го полка Лутовинова Павла Ивановича, 1882 г.р., Елизаветинской станицы, остается загадкой.

Зато в расстрельных приговорах трибунала прослеживается определенная логика. Инициаторами восстания были объявлены (и соответственно расстреляны) два офицера и солдат Дроздовского полка. Из офицеров один – Козинец Георгий Власович, 1885 г.р., Ставропольской станицы Кубанского войска, закончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков, в 1919 г. мобилизован в 1-й Запорожский полк и произведен в хорунжие, был офицером для поручений; у Сухенко был писарем в полку, адъютантом у есаула Павловского. По его показаниям, «сдался первый» [12, л. 24 об.]. Второй офицер – Ирхин Петр Евстигнеевич, 1898 г.р., Елизаветинской станицы Донского войска, закончил Азовскую 6-классную гимназию. Во время гражданской войны служил во 2-м пластунском полку, младший офицер, хорунжий (на самом деле – подесаул, командир 3-й сотни) [5, с. 290]. Во время разгрома Сухенко привел и сдал всех, кого сейчас судил трибунал. Солдат-дроздовец Власов Иван Федосеевич, 1899 г.р., крестьянин Киевской губернии, пожарник. Мобилизован белыми в 1919 г. в Ростове в слабосильную команду, в Дроздовский батальон. В станице Славянской удрал к «зеленым» Пилюка. Оттуда попал во 2-й Запорожский полк. «Удрал от Сухенко как только при перестрелке началась суматоха» [12, л. 25 об.]. Этому, судя по всему, не простили одиозности его прежнего места службы. Дроздовцы в марте 1920 г. прикрывали отступление белых войск перед Новороссийском, прорвались через станицу Славянскую, и при помощи подошедших бронепоездов отбились от красной конницы [32, с. 102–103]. Сам А.И. Деникин вспоминал, как командир дроздовцев Туркул сквозь массы конницы, «неоднократно сворачивая полк в каре, с музыкой переходя в контратаки, отбивал противника, нанося ему большие потери» [13, с. 390].

Безусловно, сыграли роль антиофицерские настроения, сильные еще с 1917 г., и своеобразный престиж дроздовцев.

По какому принципу отобрали и расстреляли еще 10 человек?

Во-первых, это старший урядник Новочеркасского полка Говоров Алексей Григорьевич, писарь интендантства Бирюков Александр Васильевич и казак Учебного полка, готовившего урядников, – Дорошев Иван Андронович (Андреевич). Сюда же, видимо, можно отнести приказного 7-го Донского полка Андриянова Георгия Ивановича. То есть это люди, имеющие чины.

Во-вторых, это казаки из «особо контрреволюционных» станиц, участвовавших в Верхне-Донском восстании в 1919 г. – Богатырев Федор Семенович, Вешенской станицы; Богомоллов Петр Николаевич и Бабкин Тимофей Титович, Мигулинской станицы.

В-третьих, не указал точно место службы у белых Пятибратов Петр Куприянович, указал лишь место мобилизации – в Константиновской станице. Это могло вызвать подозрения.

Почему были расстреляны казаки 2-го пластунского полка Антипов Михаил Иванович и Гунькин Петр Васильевич, каких-то причин не просматривается.

Избежали расстрела заведомый верхнедонской повстанец Каргин Игнатий Иванович, 1900 г.р., станицы Каргинской, и старший урядник Иванов Николай Тихонович, 1896 г.р., Кременской станицы, который показал, что в 1918 г. служил у красных в штабе товарища Шамова Усть-Медведицкого района, затем попал в плен и служил «у кадетов» в 1-й пластунской бригаде, а затем в 4-м пластунском полку. Кроме того, Н.Т. Иванов сообщил, что еще в 1905 г. арестовывался за распространение брошюр [12, л. 36 об.]. И легковерный трибунал зачел, видимо, его революционные заслуги в 9-летнем возрасте, но к 10-летнему заключению все же приговорил.

Нет объяснений, почему уцелел Кожухов Андрей Архипович, 1890 г.р., Кепинской станицы, закончивший школу прапорщиков и служивший в 4-м пешем полку начальником обоза 2-го разряда. А.А. Кожухов скрыл, что он сотник и имеет наградное оружие «За храбрость» [6, с. 70]. Возможно, трибунал рассмотрел в нем хорошего хозяйственника.

Результаты. 1. Таким образом, когда Красная армия в начале 1920 г. подошла к

территории Кубани, кубанские казаки стали массово переходить на сторону большевиков. Кубанские полки зачислялись в состав Красной армии с сохранением их прежнего названия.

2. Донские части стали сдаваться большевикам позже, в основном в ходе Новороссийской операции. Зачастую их разрозненно включали в состав кубанских полков. Советская власть объявила амнистию сдавшимся «трудовым казакам» и стремилась вывести их с территории казачьих областей и направить на фронт против поляков.

3. Бывший офицер 1-го Запорожского полка А. Сухенко, в начале 1920 г. командовавший партизанским (карательным) отрядом, оказался в Красной армии на посту командира бригады и взбунтовал подчиненные ему части, опираясь на их нежелание покидать родину и идти на польский фронт. Сухенко повел казаков на юг, в горы, где в районе Туапсе – Сочи все еще держали фронт до пяти корпусов белых кубанских и донских казаков.

4. Во время этого похода кубанцы оставляли отряд Сухенко и записывались в советские воинские части, которые пока не перебрасывали против поляков. Большинство в отряде Сухенко стали составлять донцы.

5. Когда отряд Сухенко был разгромлен, 40 человек (в большинстве – донцы) организовано сдались, имея целью добраться домой. Трибунал рассматривал их дело, судя по всему, торопливо и невнимательно. В первую очередь были расстреляны выявленные офицеры и солдаты элитной части Добровольческой армии, затем все, кто имел какой-либо чин, и бывшие участники Верхне-Донского восстания 1919 года. Трех освободили. Остальные получили 10-летний срок работы на шахтах. Мотивировка некоторых решений трибунала остается непонятной.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья выполнена по теме НИР ЮИЦ РАН «Изучение межкультурных взаимодействий населения Нижнего Дона с древнейших времен до новейшего времени», № госрегистрации 01201354248.

The article is executed on the topic of research work of the SSC RAS “Don Cossacks in the Kuban Insurgency in 1920”, state registration number 01201354248.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алдан-Семенов, А. И. Слово о командарме / А. И. Алдан-Семенов. – М. : Политиздат, 1981. – 110 с.
2. Артюхин, Ю. В. В 1920–1933 гг. – Ейский район / Ю. В. Артюхин. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://yeiskraion.ru> (дата обращения: 18.08.2020). – Загл. с экрана.
3. Баранов, А. В. Повстанческое движение «бело-зеленых» в казачьих областях Юга России (1920–1921) / А. В. Баранов // Белая гвардия. Альманах. Казачество России в Белом движении. – 2005. – № 8. – С. 119–129.
4. Бурдун, В. Н. Кубанское казачество в Белом движении на Юге России, 1917–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Бурдун Владимир Николаевич. – М., 1998. – 26 с.
5. Венков, А. В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Вып. 1 / А. В. Венков. – Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 422 с.
6. Венков, А. В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Вып. 3 (ч. 1) / А. В. Венков, В. Н. Зубков. – Ростов н/Д : Антей, 2016. – 432 с.
7. Волков, С. В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога / С. В. Волков. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. – 960 с.
8. Воскобойников, Г. Л. Казачий Отдел ВЦИК Советов (1917–1920 гг.). Документально-исторический очерк / Г. Л. Воскобойников, А. И. Соловьев. – М. : Изд-во «Киноvideокомпания “Ментор Синема”», 2002. – 159 с.
9. Гибель полковника А.С. Кострюкова // Родимый край. – 1971. – Ноябрь. – дек. – № 97. – С. 22–23.
10. Голубинцев, А. В. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону. 1917–1920 годы / А. В. Голубинцев. – Мюнхен : [б. и.], 1959. – 210 с.
11. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 704 с.
12. Дело о вооруженном восстании против Советской власти во главе с авантюристом полковником Сухенко // Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области (Архив УФСБ РО). – Д. П-61279.
13. Деникин, А. И. Очерки русской смуты : Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920 / А. И. Деникин. – Минск : Харвест, 2002. – 464 с.
14. Зайцев, А. А. Бело-зеленое движение на Юге России в поисках третьего пути (1920–1922 гг.) / А. А. Зайцев // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 2 (31). – С. 61–66.
15. Какурин, Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2 / Н. Е. Какурин. – М. : Политиздат, 1990. – 431 с.
16. Калинин, И. М. Под знаменем Врангеля : Записки бывшего военного прокурора / И. М. Калинин. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1991. – 352 с.
17. Клавинг, В. Е. Белая гвардия / В. Е. Клавинг. – СПб. : Ольга, 1999. – 452 с.
18. На Кубани // Советский Дон. – 1920. – 14 апр. – С. 1.
19. Присяжный, Н. С. Первая Конная Армия на польском фронте в 1920 году / Н. С. Присяжный. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 58 с.
20. Савченко, И. Г. В красном стане : Записки офицера : Зеленая Кубань : Из записок повстанца / И. Г. Савченко. – М. : Кучково поле, 2016. – 336 с.
21. Сводка о количестве пленных в районе Сочи // Российский государственный военный архив (РГВА). – Ф. 109. – Оп. 3. – Д. 305.
22. Сивков, С. М. Зеленая Кубань в годы гражданской войны в России / С. М. Сивков // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2017. – № 1 (17). – С. 108–111.
23. Сизенко, А. Мы – донские казаки. Документы. Факты, очерки истории станицы Луганской XVII–XX вв. / А. Сизенко, В. Федичев, В. Черепакхин. – Луганск : МЧП «Копицентр», 2006. – 308 с.
24. Телеграмма И.В. Сталину 3 августа 1920 г. // Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 51 / В. И. Ленин. – М. : Изд-во полит. лит., 1970. – С. 248.
25. Трушнович, А. Р. Воспоминания корниловца: 1914–1934 / А. Р. Трушнович. – М. ; Франкфурт : Посев, 2004. – 336 с.
26. Уильямсон, Х. Прощание с Доном : Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920 / Х. Уильямсон. – М. : Центрполиграф, 2007. – 303 с.
27. Управление кавалерийской дивизии Г.М. Екимова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://libinfo.org/index/index.php?id=10320> (дата обращения: 18.08.2020). – Загл. с экрана.
28. Футорянский, Л. И. Казачество России в огне гражданской войны (1918–1920) / Л. И. Футорянский. – Оренбург : РИК ГОУ ОГУ, 2003. – 474 с.
29. Цветков, В. Белое дело в России 1920–1922 / В. Цветков. – М. : Яуза, 2019. – 1056 с.
30. Черкасов, А. А. Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922): «третья сила» в социально-политическом противостоянии / А. А. Черкасов. – Сочи : РИО СГУТиКД, 2007. – 368 с.
31. Широкобородов, Э. А. Последний Рубикон / Э. А. Широкобородов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: [Широкобородов.рф>prose>p](https://shirokoborodov.rf/prose) (дата обращения: 18.08.2020). – Загл. с экрана.
32. Я ставлю крест... А. Туркул. Дроздовцы в огне; Г. Венус. Война и люди / А. Туркул, Г. Венус. – М. : Воениздат, 1995. – 367 с.

REFERENCES

1. Aldan-Semenov A.I. *Slovo o komandarme* [A Word About the Commander]. Moscow, Politizdat, 1981. 110 p.
2. Artyukhin Yu.V. *V 1920–1933 gg. – Ejskij rajon* [In 1920–1933. – Yeisk District]. URL: <https://yeiskraion.ru> (accessed 18 August 2020).
3. Baranov A.V. *Povstancheskoe dvizhenie «belo-zelenyh» v kazach'ih oblastyah Yuga Rossii (1920–1921)* [The White-Green Insurgency in the Cossack Regions of Southern Russia (1920–1921)]. *Belaya gvardiya. Al'manah. Kazachestvo Rossii v Belom dvizhenii* [White Guard. Almanac. Russian Cossacks in the White Movement], 2005, no. 8, pp. 119–129.
4. Burdun V.N. *Kubanskoe kazachestvo v Belom dvizhenii na Yuge Rossii, 1917–1920 gg.: avtorefdis. ... kand. ist. nauk* [Kuban Cossacks in the White Movement in the South of Russia, 1917–1920. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 1998. 26 p.
5. Venkov A.V. *Donskaya armiya. Organizacionnaya struktura i komandnyj sostav. 1917–1920 gg.* [Donskaya Army. Organizational Structure and Command Structure. 1917–1920]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2014, iss. 1. 422 p.
6. Venkov A.V., Zubkov V.N. *Donskaya armiya. Organizacionnaya struktura i komandnyj sostav. 1917–1920 gg.* [Donskaya Army. Organizational Structure and Command Structure. 1917–1920]. Rostov-on-Don, Antey Publ., 2016, iss. 3 (part 1). 432 p.
7. Volkov S.V. *Oficery kazach'ih vojsk. Opyt martirologa* [Officers of the Cossack Troops. Experience of the Martyrologist]. Moscow, Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2013. 960 p.
8. Voskoboinikov G.L., Solovov A.I. *Kazachij Otdel VCIK Sovetov (1917–1920 gg.). Dokumental'no-istoricheskij ocherk* [Cossack Department of the Central Executive Committee of the Soviets (1917–1920). Documentary and Historical Essay]. Moscow, Izd-vo «Kinovideokompaniya "Mentor Sinema"», 2002. 159 p.
9. Gibel' polkovnika A.S. Kostryukova [The Death of Colonel A.S. Kostryukov]. *Rodimyj kraj* [Birthplace], 1971, Nov. – Dec., no. 97, pp. 22–23.
10. Golubintsev A.V. *Russkaya Vandeya. Ocherki grazhdanskoy vojny na Donu. 1917–1920 gody* [Russian Vendee. Essays of the Civil War on the Don. The Years 1917–1920]. Munich, s. n., 1959. 210 p.
11. *Grazhdanskaya vojna i voennaya interventsija v SSSR: enciklopediya* [Civil War and Military Intervention in the USSR. Encyclopedia]. Moscow, Sov. entsikl. Publ., 1983. 704 p.
12. Delo o vooruzhennom vosstanii protiv Sovetskoj vlasti vo glave s avanturistom polkovnikom Suhenko [The Case of an Armed Uprising Against the Soviet Government Led by the Adventurer Colonel Sukhenko]. *Arhiv Upravleniya Federal'noj sluzhby bezopasnosti po Rostovskoj oblasti (Arhiv UFSB RO)* [Archive of the Federal Security Service of the Rostov Region (Archive of FSS RR)], d. P-61279.
13. Denikin A.I. *Ocherki russkoj smuty: Vooruzhennye sily Yuga Rossii. Zaklyuchitel'nyj period bor'by. Yanvar' 1919 – mart 1920* [Essays of the Russian Troubles: Armed Forces of the South of Russia. The Final Period of Struggle. January 1919 March 1920]. Minsk, Kharvest Publ., 2002. 464 p.
14. Zaitsev A.A. *Belo-zelenoe dvizhenie na Yuge Rossii v poiskah tret'ego puti (1920–1922 gg.)* [White-Green Movement in the South of Russia in Search of the Third Way (1920–1922)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2009, no. 2 (31), pp. 61–66.
15. Kakurin N.E. *Kak srazhalas' revolyuciya* [How the Revolution Fought]. Moscow, Politizdat, 1990, vol. 2. 431 p.
16. Kalinin I.M. *Pod znamenem Vrangelya: Zametki byvshego voennogo prokurora* [Under the Banner of Wrangel: Notes of a Former Military Prosecutor]. Rostov-on-Don, Kn. izd-vo, 1991. 352 p.
17. Clawing V.E. *Belaya gvardiya* [White Guard]. Saint Petersburg, Olga Publ., 1999. 452 p.
18. Na Kubani [In Kuban]. *Sovetskij Don*, 1920, April 14, p. 1.
19. Pricyazhnyj N.S. *Pervaya Konnaya Armiya na pol'skom fronte v 1920 godu* [The First Mounted Army on the Polish Front in 1920]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1992. 58 p.
20. Savchenko I.G. *V krasnom stane: Zapiski oficera: Zelenaya Kuban': Iz zapisok povstanca* [In the Red Camp: Notes of an Officer: Zelenaya Kuban: From the Notes of a Rebel]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 336 p.
21. Svodka o kolichestve plennyh v rajone Sochi [Summary of the Number of Prisoners in the Sochi Area]. *Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 109, op. 3, d. 305.
22. Sivkov S.M. *Zelenaya Kuban' v gody grazhdanskoy vojny v Rossii* [Green Kuban in the Years of the Civil War in Russia]. *Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management], 2017, no. 1 (17), pp. 108–111.
23. Sizenko A., Fedichev V., Cherepakhin V. *My – donskie kazaki. Dokumenty. Fakty, ocherki istorii stanicy Luganskoj XVII–XX vv.* [We Are the Don Cossacks. Documents. Facts, Essays on the History of the Village of Luhansk XVII–XX Centuries]. Luhansk, MChP «Kopitsentr», 2006. 308 p.
24. Telegramma I.V. Stalinu 3 avgusta 1920 g. [Telegram to I.V. Stalin on August 3, 1920]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Lenin V.I. Complete Works]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1970, vol. 51, p. 248.

25. Trushnovich A.R. *Vospominaniya kornilovca: 1914–1934* [Kornilovets' Memoirs: 1914–1934]. Moscow, Frankfurt, Posev Publ., 2004. 336 p.

26. Williamson H. *Proshchanie s Donom: Grazhdanskaya vojna v dnevnikah britanskogo oficera. 1919–1920* [Farewell to the Don: The Civil War in the Diaries of a British Officer. 1919–1920]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2007. 303 p.

27. *Upravlenie kavalerijskoj divizii G.M. Ekimova* [Department of the Cavalry Division of G.M. Ekimov]. URL: <https://libinfo.org/index/index.php?id=10320> (accessed 18 August 2020).

28. Futoryansky L.I. *Kazachestvo Rossii v ogne grazhdanskoj vojny (1918–1920)* [Russian Cossacks in the Fire of the Civil War (1918–1920)]. Orenburg, RICK GOW OSU, 2003. 474 p.

29. Tsvetkov V. *Beloe delo v Rossii 1920–1922* [Beloe Delo in Russia 1920–1922]. Moscow, Yauza Publ., 2019. 1056 p.

30. Cherkasov A.A. *Grazhdanskaya vojna na Kubani i Chernomor'e (1917–1922): «tret'ya sila» v social'no-politicheskom protivostoyanii* [Civil War in the Kuban and Black Sea Region (1917–1922): “The Third” Force in the Socio-Political Confrontation]. Sochi, RIO SGUTiCD, 2007. 368 p.

31. Shirokobodrov E.A. *Poslednij Rubikon* [The Last Rubicon]. URL: Shirokobodrov.RF>prose>p (accessed 18 August 2020).

32. *Ya stavlyu krest... A. Turkul. Drozdovcy v ogne; G. Venus. Vojna i lyudi* [I Put an End to... A. Turkul. Drozdovtsy in the fire; G. Venus. War and People]. Moscow, Voenizdat, 1995. 367 p.

Information About the Author

Andrey V. Venkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Center the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-don, Russian Federation, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Информация об авторе

Андрей Вадимович Венков, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>